

„А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...“

О ВЕЛИКОЙ Отечественной войне написано в советской литературе много, но и среди великого множества произведений, повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» сразу же оказалась замеченной и читателями и театром. Нельзя пройти мимо книги, где ощущается живое биение человеческих сердец.

Выявление лучших нравственных начал в советском человеке стало и основной задачей спектакля краевого театра драмы «А зори здесь тихие...» (инсценировка Ю. Любимова и Б. Глаголина. Режиссер Э. А. Вайнштейн).

НЕ ОЧЕНЬ-ТО баловала жизнь коменданта 171-го разведбата старшину Федота Евграфовича Васкова. За свои тридцать два года потерял он немало потерь. Вот отчего разучился старшина улыбаться. Таким и предстает перед нами в первые минуты спектакля комендант в исполнении заслуженного артиста РСФСР М. Ф. Митина. Есть поначалу в его Васкове какая-то бездельность, заурядность, замороженность чувств. Накрепко усвоенный армейский устан — вот то единственное, что определяет линию его поведения. Сухарь, «пенек замшелый», «таадычит» свое «деревянны» голосом и все.

М. Ф. Митин последовательно выявляет конфликт в отношениях Васкова с девушками-зенитчицами, присланными на разведку в подчинение старшине. Начинается их знакомство с неприятия Васковым женского сословия на фронте (но так, не то, не по уставу). С волнением и симпатией следим мы за тем, как развиваются дальше события и взаимоотношения старшины и его «девчачьего воинства». Сложное, опасное боевое задание предстоит выполнить Васкову и его бойцам. Один мужчина и пять девушек против шестнадцати фашистских солдат. В этой неравной, смертельной схватке с врагом Васков и сам проходит великую школу любви и ненависти.

Суховатость, угрюмость Васкова проясняются душевной щедростью, знанием жизни и богатством чувств. Нам открывается в нем такой глубокий внутренний мир, что мы не можем уже быть безразличными к его судьбе, к тем тонким душевным связям, к тому духовному родству, которые возникают между ним и его «девчоночками». Сколько сердечной доброты и отцовской заботливости, какое глубокое понимание каждого из верного ему бойцов, какой талант воспитателя и командира проявляет этот, не кончивший никаких институтов человек.

Как всегда, М. Ф. Митин не стремится к внешнему перевоплощению. Но в роли Васкова актеру удалось найти истинную народность образа. Это не просто счастливая случайность. Произошло совпадение материала роли и личной актерской темы М. Ф. Митина, темы утверждения в человеке доброты и благородства.

ЖЕНЩИНА на войне. Противопоставленность эту постоянно, мучительно ощущает Васков, у которого в высшей степени развито чувство уважения и бережного отношения к женщине. С ней он всегда связывает представление о семье, о материнстве. А эти, совсем зеленые, девятинадцатилетние. Что привело их туда, где убийство, лишения, человеческие

жертвы? Оказывается, война уже пошла в их судьбы смертью, расстрелами близких и родных, у каждой из них есть свой личный счет к врагу. И все они — верные дочери своей страны.

Удивительно живые женские образы создал автор. Яркая индивидуальность, непохожесть характеров есть и в спектакле. Ясно прочитывается строгая, горькая сдержанность Риты Осляниной (арт. С. С. Матыцина), естественность мироощущения Лизы Бричкиной (арт. Р. Р. Шляхова), наивная посторженность Гали Четвертак (Г. А. Колокольцева), внешняя броскость Жени Комельковой (Е. И. Решетникова). И, конечно, надолго запомнится светлый, одухотворенный образ Соны Гурвич (А. С. Костинникова). От спектакля к спектаклю растет мастерство актрисы. Работу А. С. Костинниковой можно поставить вровень с творческой удачей М. Ф. Митина. Тихая, скромная Соня Костинниковой приковывает к себе внимание красотой, поэтичностью своего духовного мира.

Можно говорить о недоработках в отдельных образах, о том, что слишком пафосно на комедийных акцентах Г. А. Колокольцева, что еще кст у Е. И. Решетниковой всей емкости мужественного и гордого характера Жени, но нельзя отрицать, что все вместе исполнители женских ролей воплощают лучшие черты того поколения, чья юность пришла на годы войны.

Ах, эта замечательная способность человека сохранять жизнелюбие, жажду жизни даже в самые страшные, казалось бы, невыносимые минуты. Оптимизм, неистребимая вера в завтрашний день, в непременно счастье — вот качества, присущие героям Б. Васильева. Их жизнелюбие прорывается в задорных шуточках, и может быть, беспричинном смехе, в откровенном поддразнивании Васкова, в естественных жизненных реакциях. Даже их пошлости, банильный день или желание вылезть на солнышко и позагорать — все это не просто бытовой фон, а утверждение жизни со всеми ее радостями. Натурализм? Нет. Если хотите — символ мирной жизни, всего человеческого, чего лишила их война. Правда, есть в спектакле некоторые примитивности и чрезмерность в подаче бытовых подробностей. Художественный образ быта моментами превращается в спектакле просто в быт. Наверное, режиссеру и актерам следует найти необходимую меру, то «чуть-чуть», когда стихия доброго, светлого юмора станет не самоцелью, а почвой, на которой возникнет наша зрительская симпатия к героям спектакля (тем больнее окажется для нас их гибель). Ни на минуту не должны мы забыть, что спектакль говорит о войне.

Театр сумел раскрыть нравственную красоту взаимоотношений советских людей в годы войны. И это хорошо. Но это лишь одна сторона темы повести Б. Васильева, ее инсценировки. Получать и образно передать атмосферу войны, ее напряжение — обязанность театра. Страстность, темперамент высказывания — на этом проверяется гражданская позиция творческого коллектива. Чем острее трагический образ войны, тем ярче высветливается бессмертный подвиг людей.

К. ДРЕРМАН.